

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

Истина
женщины

ЭКСМО

Чингиз Абдуллаев

Рай обреченных

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Рай обреченных / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1996

Казалось, это место было проклято Богом. В зимние месяцы сюда почти никто не приезжал, шоссейная дорога пролегла довольно далеко, рейсовые автобусы не ходили, а случайные машины лишь иногда отваживались свернуть с основной дороги, чтобы добраться в непогоду до этого маленького поселка с таким смешным и немного странным именем - Умбаки. Это был единственный на юге страны лепрозорий, в котором жили и умирали больные лепрой. Или иначе говоря - прокаженные, те самые, которых Бог решил пометить, посылая на них подобную проклятую болезнь. Никто не знал, почему и как она зарождается в человеческом организме. Работавшие тут десятилетиями врачи и санитары не боялись ее, словно заговоренные. Она не передавалась никаким путем: ни через одежду больных, ни через общение с ними. Она не передавалась даже в результате случайных контактов, иногда случавшихся между больными и работавшими здесь людьми. Она не передавалась никак. Но не всем...

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чингиз Абдуллаев

Рай обреченных

Скажи: «Если я заблудился, то заблуждаюсь во вред самому себе, а если иду прямым путем, то от того, что внушил мне мой Господь...»
КОРАН, Сура 35, Ангелы 49 (50).

Ибо они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла.
ВТОРОЗАКОНИЕ, 32:28

Автор бывал в местах, которые описаны в повести. Некоторые персонажи списаны с реальных лиц, другие не очень похожи на тех, кого довелось встретить. Эта история случилась во времена, когда Империя уже начинала распадаться.

Мужеству обреченных автор посвящает эту книгу.

Глава 1

Казалось, это место было проклято богом.

В зимние месяцы сюда почти никто не приезжал – шоссейная дорога пролегла довольно далеко, рейсовые автобусы не ходили, а случайные машины лишь иногда отваживались свернуть с тракта, чтобы добраться в непогоду до этого маленького поселка с таким смешным и немного странным названием – Умбаки.

В летние месяцы, когда беспощадное солнце выжигало все вокруг и даже чахлый кустарник скручивался, сжимался, клонился к земле, пытаясь сберечь в себе влагу, здесь очень редко бывали гости.

Люди навещали своих близких, знакомых по прежней жизни. Но встречи были столь тягостны для обеих сторон, что, приехав раз-другой, человек больше в этих местах не появлялся.

Когда в поселке находился чужак, жители обычно прятались от него, старались не попадаться ему на глаза, чтобы не добавлять в его душу страха, неуверенности и растерянности от собственной смелости.

Долгие месяцы поселок существовал сам по себе, словно отрезанный от всего мира.

Иногда, примерно раз в год, сюда привозили новичков. Это было событием для всех, нетерпеливо ожидавших новых вестей, новых историй, новых знакомств. Особенное оживление царило в случае приезда молодых женщин, которых в поселке было лишь несколько. По несправедливой логике судьбы молодые женщины были самыми редкими гостями этого странного места.

Оно было странным для одних, таким обжитым для других и очень страшным для многих. Ибо это был единственный на юге страны лепрозорий, в котором жили и умирали больные лепрой. Или иначе говоря – прокаженные, те самые, которых Бог решил пометить, посылая на них эту проклятую болезнь. Никто не знал, почему и как она зарождается в человеческом организме. Работавшие тут десятилетиями врачи и санитары не боялись ее, словно заговоренные. Она не передавалась никаким путем: ни через одежду больных, ни через общение с ними. Она не передавалась даже в результате случайных соприкосновений, иногда происходивших между работниками учреждения и больными. Она не передавалась никак. Но не всем.

Из каждых десяти тысяч людей один мог «заразиться» проказой. И этот один получал весь свой земной ад в полном объеме. Никакие лекарства не помогали, любые врачи были бес-

сильны. Больного сначала лечили: пичкали таблетками, мучили уколами, возили к специалистам, а затем, когда проказа уже начинала свой губительный путь, уродуя его тело, обреченного отвозили в Умбаки.

Здесь никогда не было тех, кто мог выздороветь. Пока оставалась хоть какая-то надежда, человек боролся, но предпочитал находиться не здесь. Когда надежда исчезала, он появлялся в Умбаки.

Казалось, что эти больные сходили прямо с картин Брейгеля или Босха – такими чудовищными, отвратительными были несчастные обитатели Умбаки. Болезнь могла поразить любую часть тела. Гниение начиналось с руки или ноги, с головы или плеча. По какой-то (чьей?) иронии у женщин почти всегда оставались нетронутыми лица, тогда как у мужчин проказа чаще всего начиналась именно сверху.

К началу восьмидесятых в поселке насчитывалось около двухсот больных, восемь врачей, человек тридцать сотрудников больницы, необходимых для поддержания в ней должного порядка, – санитарок, уборщиц, электриков и водителей.

В поселок почти никогда не приезжали комиссии. Даже чиновники из Министерства здравоохранения, обязанные по долгу службы бывать хотя бы ежеквартально, появлялись здесь один раз в несколько лет, торопясь отметиться и почти сразу же уехать.

При этом живущие в поселке знали, что через несколько километров, за поворотом, там, где проселочная дорога выходила на шоссе и где находился небольшой источник, машина обязательно останавливалась. Всякий проезжавший обычно привозил с собой бутылку спирта, чтобы протереть руки и лицо еще до того, как выедет на дорогу, ведущую в город. Некоторые припасали даже канистру спирта и умудрялись протирать всю машину, опасаясь стать одним из десяти тысяч, кого может коснуться эта непонятная зараза.

Вот однажды в Умбаки приехала очень важная дама – секретарь районного комитета партии.

По сложившейся традиции в райкомах партии первые секретари были представителями коренной национальности, вторые обычно – русскими, а третьи в обязательном порядке – женщинами.

В районе, где находился лепрозорий, должности почему-то распределялись иначе. Первые секретари всегда были русскими. Вторые секретари представляли коренную национальность, а третьи всегда подбирались из лучшей половины человечества.

Первым секретарем здешнего райкома партии был Яков Александрович Тоболин. Его совсем не оскорбляло, что свою должность он занял исключительно в силу отпущенного лимита. Наоборот, он был вполне счастлив и доволен сложившимся положением. Невысокого роста, с довольно заметным брюшком, он обладал мирным, покладистым характером. Район регулярно выполнял план, как положено, – на сто один процент, почти все предприятия регулярно отчитывались, доводя своими приписками среднюю цифру плана до положенной.

В районе все было спокойно и чинно. Если не считать того странного обстоятельства, что этот район был своеобразной криминальной зоной. Здесь располагались сразу четыре колонии (в двух из них содержали особо опасных преступников) и четыре спецкомендатуры, заключенные которых работали в находившихся рядом каменоломнях.

И хотя за всем этим хозяйством должны были приглядывать высокие чины из МВД, тем не менее наличие такого количества закрытых учреждений на территории района было само по себе очень неприятно, а инструкторам райкомов еще и вменялось в обязанность регулярно бывать в колониях, где существовали свои партийные и комсомольские организации, в состав которых входили офицеры и другие сотрудники.

Вторым секретарем районного комитета партии был Гусейн Фархадович Малиев, бывший боксер и бывший организатор комсомольских студенческих отрядов. Выпускник физического института, он по неведомой разрядке попал в эту глушь на должность второго

секретаря, курировавшего промышленность, и работал здесь, явно пренебрегая своими обязанностями.

По установившемуся здесь правилу в случае смены Тоболина на его место обязательно был бы подобран функционер с русской фамилией. Зная об этом, второй секретарь не горел на работе и придумывал всяческие способы, чтобы покинуть этот неперспективный район и перебраться «в центр».

Третьим секретарем была Кусаева. Также выдвинутая из комсомола и попавшая на должность благодаря строгой разрядке, она славилась своим образцово-показательным отношением к делу. Раньше работала в общем отделе горкома комсомола, потом перешла на пропаганду и соответственно занималась вопросами политпросвета и пропаганды. В колонии доставлялись плакаты с наглядной агитацией о всепобеждающей силе ленинизма, на каменных карьерах проводились беседы о последних Пленумах ЦК КПСС, так много значивших для работающих там заключенных.

Именно Кусаевой и было поручено проведение партийного собрания в лепрозории, где было аж четыре коммуниста – главный врач, еще один из больных плюс водитель и санитарка. Причем последняя была принята в партию недавно, так как подходила по разрядке, спущенной сверху.

О том, чтобы отказаться от поездки в «страшное место», не могло быть и речи. Партийные функционеры обязаны были выполнять все поручения, безропотно подчиняться, и третьему секретарю райкома пришлось согласиться и, будто в наказание, ехать в Умбаки. Правда, она поехала не одна, а в сопровождении машины ГАИ. Да еще был придан ей инструктор с непривычным именем Платон, который удостоился чести сесть в один автомобиль с секретарем районного комитета партии.

Приехав в поселок, секретарь райкома даже не вышла из машины. Она заперла изнутри все двери, поручив проведение собрания инструктору.

Тихий, спокойный, интеллигентный человек, Платон был журналистом по образованию, а в райком партии попал случайно, из-за своего умения писать вместо руководителей статьи в газету и доклады к торжественным заседаниям. Он подчинился Кусаевой и провел отчетно-выборное собрание, стараясь ни к чему не притрагиваться.

Главный врач, пожилой человек лет шестидесяти, понимал состояние «высоких гостей». Все его разъяснения на них не подействовали. Секретарь райкома не пожелала выходить из автомобиля, а Платон, быстро проведя собрание, состоящее из короткого отчета неосвобожденного секретаря партийной организации (водителя лепрозория) и его последующих безальтернативных перевыборов, покинул кабинет главного врача, даже не пожав никому руки на прощание. По предложению секретаря райкома он сел в машину ГАИ, и они покинули поселок.

Доехав до источника, обе машины остановились, и «процедура спиртовой очистки» была соблюдена полностью. При этом, по просьбе секретаря райкома, ей почистили и всю машину. Сотрудники милиции старались вовсю. Они знали строгий нрав третьего секретаря.

Так вот и текла жизнь в этом странном поселке Умбаки, в этом единственном лепрозории на юге страны. Пока здесь не произошло убийство.

Глава 2

Сообщение принял дежурный по райотделу. Он даже переспросил название поселка, убежденный, что человек ошибается, никакого убийства на их территории не может быть. Но звонивший упрямо подтвердил, что найден труп убитого мужчины. Дежурный понял, что придется регистрировать это преступление.

Если бы убитого нашли где-нибудь на границе района или на трассе, его вполне можно было бы несколько «сместить в сторону», в чужой район. Такие вещи иногда практиковались, и дежурные не спешили регистрировать трупы, зная, что вытянутый в узкую «кишку» район предоставляет массу возможностей для подобного «улучшения статистики».

Это был удивительный район. В райкоме партии два работника носили какие-то странные, не годящиеся для такого учреждения имена – Платон и Везир. Одно время начальником милиции в районе был офицер с редким именем Чапай. Точно так его и звали – Чапай. В местном КГБ работал Гамлет. А председатель исполкома Атакиши по-русски звался бы «Папа мужчин».

Это был поистине удивительный район, существовавший по своим собственным законам. Потому что в нем было много колоний и спецкомендатур. И был лепрозорий, единственный на всем Кавказе. В районе располагался также поселок Гобустан, где были найдены наскальные изображения древних племен, когда-то населявших это место. В районе был даже «камень Александра Македонского» – уверяют, что полководец со своей победоносной армией пробыл здесь, мечтая покорить Персию, и, однажды устав, присел на этот камень. В районе имелось особое место, куда привозили трупы казненных и расстрелянных в столице людей. Место выделили высоко в горах, и тела хоронили там тайно и спешно, чтобы никто ни о чем не узнал. В этом районе дружно жили представители многих народов – русские, азербайджанцы, армяне, грузины, лезгины, чеченцы, ингуши, татары, даже греки, поляки, евреи. Это был маленький осколок большого зеркала. Кусочек гигантского государства с названием «Союз».

С начальника райотдела строго спрашивали за увеличивающуюся преступность, и нужно было делать все, чтобы не портить средние показатели. Убийство в Умбаки явилось большой ложкой дегтя. Поселок был расположен в самом центре района и никаким краем не соприкасался ни с трассой, ни с другими районами. А значит, перекинуть труп на чужую территорию не было никакой возможности. Дежурный записал сообщение неизвестного мужчины о найденном трупе и пошел докладывать о случившемся начальнику райотдела.

Подполковник был не в духе. Только вчера вечером на него накричал секретарь райкома. Обычно тихий, смирный, секретарь на этот раз не сдержался. В столице уже давно шли митинги и демонстрации, теперь грозившие перекинуться в их отдаленный район. Раньше все смутьяны, желающие покричать, обычно уезжали в город. Сейчас многие из них предпочитали выступать перед районным базаром, а это уже начинало беспокоить местные власти.

Одновременно с начальником милиции досталось за либерализм и мягкотелость и другим руководителям так называемых правоохранительных органов – прокурору, начальнику местного отделения КГБ, даже старшему судье. Теперь, получив сообщение о найденном трупе, подполковник буквально взорвался. Умбаки был самым спокойным поселком в их районе. Там полвека ничего не случалось. И вот на тебе! Самое обидное, что «подложили свинью» в самом конце полугодия, перед подведением итогов. Подполковник приказал немедленно отправить в поселок оперативную группу. И вызвал майора Шаболдаева.

Майор был полным, часто потеющим человеком с большим, выпирающим из брюк животом. Густые черные брови, жесткие курчавые волосы, уже начинающие расплываться черты лица, привычная усталость и всегда мятая форма – вот его неполный портрет. Можно доба-

вить, что это был неплохой специалист, хорошо знавший район и его жителей, умевший понять психологию местного населения.

– Шаболдаев! – грозно начал подполковник, когда майор осторожно вошел в его кабинет. – Как там у нас по последнему делу об этих квартирных кражах?

– Пока ищем, товарищ начальник, – доложил майор, все еще стоя у дверей.

– Ты садись, – пригласил его шеф, – проходи и садись.

Майор понял, что предстоит серьезный разговор. Подполковник был строгим и не любил панибратства. Обычно подчиненные офицеры не очень задерживались в его кабинете.

– Наши показатели знаешь? – Хозяин кабинета сурово взглянул на майора.

– Знаю. – Шаболдаев на всякий случай вздохнул. Он не понимал, о каких показателях спрашивает начальник, но не мог в этом признаться.

– На третьем месте идем, – поднял палец подполковник, – пока на третьем. И должны там остаться. По всем показателям у нас должен быть лучший район.

– Да, конечно, – сразу согласился майор.

– Новый министр пришел. Он захочет везде своих людей поставить. Понимаешь меня? И Тоболин нами недоволен. Если меня отсюда уберут, то и ты вылетишь сразу. Все знают, что я тебе покровительствую.

Шаболдаев молча слушал. Видимо, действительно случилось нечто очень неприятное.

– В Умбаки нашли труп мужчины. Неопознанный труп. Звонили из больницы. Там есть... лечебница... ну, как это называют...

– Лепрозорий... – осторожно подсказал майор.

– Да, лепрозорий. У них там единственный телефон в поселке. Звонили оттуда и говорили, что нашли труп. Ты сейчас поезжай и все там посмотри. Если неопознанный труп, то человек мог прийти в поселок со стороны трассы. Значит, не наш убитый. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – на всякий случай сказал Шаболдаев, но подполковник почувствовал, что его подчиненный ничего не понимает.

– Через неделю будут подводить итоги полугодия, – зло стукнул он кулаком по столу, – а у нас на шее будет висеть этот случай. Если, конечно, там действительно было убийство. Дежурный, кретин, ничего не понял. Говорит, что позвонили и сказали, что убит какой-то мужчина. Поезжай и посмотри. Может, он не убит. Просто упал и умер.

– Замерз, – кивнул Шаболдаев.

– В июне месяце! – разозлился подполковник. – Ты с ума сошел! Сейчас температура у нас ниже сорока не опускается.

– Если пришел со стороны гор, то мог там окоченеть, – осторожно возразил Шаболдаев, чтобы не нервировать начальство. – Вы же знаете, как ночью бывает холодно в горах.

– В общем, посмотри все на месте. Если просто умер, тоже неплохо. Составь протокол, что найден неопознанный труп мужчины без признаков насильственной смерти. В общем, оформи все как надо. Ты меня понял?

– Конечно, – поднялся Шаболдаев.

– Надеюсь, обойдешься без судмедэксперта и фотографа. Все сам оформишь. – Подполковник махнул рукой на прощание. – А если понадобится, привези сюда, сфотографируем.

Это было неслыханным нарушением существующего процессуального права, но это была жизнь, далекая вообще от всех норм обычного права. Выпускники юридических факультетов часто обнаруживали на практике, что все, рассказанное им в аудиториях, всего лишь теория, тогда как на практике случалось совсем другое, часто даже противоположное тому, чему их учили в вузах.

Через десять минут милицейский «газик» уже мчался по направлению к поселку. Только в автомобиле Шаболдаев вспомнил, что они ведь едут-то в «страшное место». Он приказал

сержанту остановиться у первого киоска, где продавали водку. Антиалкогольная кампания с треском провалилась, и водка снова начала появляться в магазинах и киосках района.

– Иди возьми для нас бутылку водки, – велел Шаболдаев лейтенанту Касымову, сидевшему на заднем сиденье.

Тот, послушно кивнув головой, вылез из автомобиля. И через минуту уже вернулся.

– Он денег хочет. Говорит, без денег не даст.

– Каких денег? – разозлился майор. – Скажи, Шаболдаев здесь. Я ему башку отверну и киоск закрою. Пусть две бутылки даст.

Лейтенант снова отошел от машины.

На этот раз он вернулся не один, а в сопровождении толстомордого хозяина киоска.

– Прости, дорогой, – торговец услужливо улыбался Шаболдаеву, – не знал, что ты сам приехал. Я думал, это опять офицеры из спецкомендатуры. Вечно у меня водку клячат. Извини, дорогой.

– Наглый ты стал, Гасан, – строго заметил Шаболдаев, – уже ни с кем не считаешься. Водку принес?

– Да, две бутылки. «Столичная», самая чистая. Я и конфеты вам принес, вдруг понадобятся. – Он подал кулечек с конфетами.

– Знаю я твою чистую. На складе сами закрываете, – махнул рукой майор, пока лейтенант влезал в машину. – Ладно, поехали.

Когда машина отъехала, хозяин киоска презрительно сплюнул на землю, провожая удалявшийся автомобиль неслышным ругательством.

В республиках Закавказья и в Средней Азии почти не сталкивались с таким понятием, как рэкет. Его придумали итальянские мафиозные кланы и американские бандиты в тех странах, где полиция и правоохранительные органы еще имели некоторое представление о чести и собственном долге. В южных краях бывшей империи такого не было никогда. В некоторых республиках административная система была абсолютно коррумпирована. То есть в данном случае не девяносто или девяносто пять процентов, а полностью, когда из тысячи чиновников, работников прокуратуры, суда и милиции, нельзя было найти ни одного (!) честного человека. Если и находился один, то ненормальный, не составлявший в итоге и одну десятую процента. Брали и давали все без исключения. И, конечно, в таких условиях рэкетиров просто никто не боялся. Давать деньги нужно было всем – секретарю райкома, председателю исполкома, прокурору, начальнику милиции, старшему судье, руководителю местной службы КГБ.

Это был официальный, узаконенный рэкет административных органов. Об этом знали все без исключения, и каждый принимал это как норму жизни. В таких условиях появившимся рэкетирам просто не дали бы ни копейки. Им не разрешили бы зарабатывать на своей «территории» те же прокуроры, офицеры милиции и КГБ, секретари райкомов и председатели исполкомов. Понятия «рэкет» во многих местах Кавказа просто не существовало. Его вполне заменяла почти официальная плата, мзда.

Вся система правоохранительных органов при коммунистическом правлении была поражена коррупцией. Это не стоило бы называть болезнью. Система просто не смогла бы иначе существовать, развалившись без такой «поддержки». И в то же время чиновники получали очень большую зарплату, особенно в последние годы перед распадом Союза.

Однако беспредел начался позже, когда республики провозгласили себя суверенными государствами. Раньше еще боялись начальства из Москвы, теперь бояться стало некого. Взятки превратились в «зарплату».

Когда Грузия обрела независимость, работники прокуратуры, суда, Министерства внутренних дел этого нового государства получали официально (конечно, в своей национальной валюте) два-три, кто – пять-шесть долларов в месяц. В Азербайджане после обретения им независимости зарплата этой же категории лиц составляла двадцать–двадцать пять долларов

в месяц. При этом многие из получавших подобную зарплату часто отдыхали за рубежом и одевались гораздо лучше своих американских коллег.

Шаболдаев знал правила игры и никогда не посмел бы взять деньги у руководителей райсмешторга или отдела общественного питания. Те платили напрямую начальнику милиции и прокурору. Был еще и невообразимо богатый начальник отдела рабочего снабжения, который платил министрам и чиновникам в центре, а иногда и приезжал лично с большим портфелем к самому Якову Александровичу Тоболину. В районе все знали, в какие именно дни начальник ОРСа делает эти выплаты Тоболину, и считали, что это в порядке вещей.

Но и те, с кого брали деньги, тоже знали правила игры. Хозяин киоска, обязанный платить Шаболдаеву товаром и деньгами, не имел права лично давать деньги прокурору или секретарю райкома. Да у него никто бы их и не принял. Вместе с тем он не обязан был платить и другим офицерам милиции – из спецкомендатур и колоний, у которых были свои постоянные источники доходов. Эти офицеры хорошо наживались на заключенных и не имели права обирать местное население. В свою очередь, и местное руководство района не вмешивалось в деятельность расположенных на ее территории колоний и спецкомендатур, понимая, что руководство этих подразделений обязано обеспечивать бесперебойное поступление денег в свое управление и свое министерство.

Когда машина уже подъезжала к Умбаки, Шаболдаев достал с заднего сиденья водку и, открыв бутылку, сделал несколько глотков. Поморщился и, развернув одну конфету, стал энергично ее жевать. Протянул бутылку лейтенанту.

– Выпей. Это для дезинфекции нужно. Там все прокаженные будут.

Лейтенант послушно сделал несколько глотков. Но не стал закусывать конфетой, лишь с шумом втянул в себя воздух.

– А ты не выходи из машины, – строго приказал сидевшему за рулем сержанту майор Шаболдаев, – и смотри, чтобы никто не трогал автомобиль. Никто чтобы к нему не прикасался.

Машина въехала в поселок. Как обычно, было тихо и спокойно. Шаболдаев однажды приезжал сюда – три года назад, во время выборов, когда местные жители и больные должны были проголосовать. В советские времена явка голосующих требовалась стопроцентная. Поэтому привезли в Умбаки урну, все осторожно опустили в нее бюллетени, после чего она была увезена из поселка и... Впрочем, на Востоке существуют свои традиции. И быть избранным против воли местного падишаха нельзя – хоть в коммунистические времена, хоть в демократические.

У административного здания больницы машина остановилась. Лейтенант, никогда ранее сюда не приезжавший, невольно вздрогнул, увидев проходившего мимо человека с перевязанным лицом. Видны были только его глаза, наблюдавшие за приехавшими.

Шаболдаев вылез из машины, оглядываясь вокруг. Он не сомневался, что сейчас десятки пар любопытных глаз наблюдают за ними отовсюду.

Но больные проказой были лишены главного человеческого качества – уверенности в себе. И потому не рисковали появляться перед внезапно приехавшими в поселок незнакомцами.

Дверь здания открылась, и лейтенант снова вздрогнул.

На этот раз появился не больной, а сам главный врач лепрозория, краснощекий, пыщущий здоровьем человек. Он подошел к приехавшим и, предусмотрительно не протягивая руки, представился:

– Доктор Лаидов.

За ним вышла высокая худощавая женщина в белом халате. Она строго смотрела на приехавших, не скрывая своего недовольства. Посетителей тут явно не любили.

– Мой заместитель – старшая медсестра Бармина, – показал на женщину главный врач. – Она и нашла сегодня утром труп.

– Майор Шаболдаев, из райотдела милиции, – представился приехавший. – Я у вас был, доктор, во время выборов.

– Да, я вас помню, – кивнул врач, – может, зайдете ко мне? – предложил он, наверняка зная, что услышит отказ.

– Нет, – отклонил его приглашение майор. – Мы лучше сразу пойдем посмотрим ваш труп. Почему вы решили, что его убили?

– Вы сейчас все сами увидите, – сказал главный врач, приглашая идти за ним.

Майор пропустил вперед себя Бармину, а уже затем вместе с лейтенантом пошел за медиками, предусмотрительно не подходя к ним слишком близко.

Они направились в сторону небольшого фруктового сада, находящегося сразу за соседним домом. Майор обратил внимание на расположенный справа от дома колодец.

– Он еще живой? – кивнул Шаболдаев в сторону колодца.

– Да, – ответил главный врач, – вода там еще есть.

Все вошли в сад и почти сразу остановились.

– Я распорядился накрыть труп брезентом, чтобы не пугать больных, – объяснил Лаидов. Он прошел к одному из ближайших деревьев и, нагнувшись, откинул брезент.

Майор подошел ближе. Посмотрел на лежавшее тело. Наклонился над ним. Сел на корточки. Достал из кармана носовой платок, вытер лоб.

Труп лежал здесь, очевидно, уже давно. Кровь на рубашке была спекшаяся, буро-коричневого цвета. «Неужели его и убили прямо здесь?» – с отвращением подумал майор.

Потом он поднял голову и, глядя на стоявших рядом медиков, строго спросил:

– Вы его не знаете?

– Нет, – убежденно ответил Лаидов, – определенно нет. Он не наш, это совершенно точно. Чужой. Своих я всех знаю.

Шаболдаев посмотрел на труп еще раз и, вздохнув, поднялся. Настроение у него резко испортилось. Перед ним лежал мертвый человек с разможенной головой. Не нужно было даже его переворачивать, чтобы понять, как именно погиб неизвестный. И рядом не было ничего такого, откуда он мог свалиться. Не с фруктового же дерева упал этот тип.

Майор в который уже раз посмотрел на лежавший перед ним труп. Нижнюю часть тела прикрывал брезент. Это был сравнительно молодой мужчина – с признаками явно насильственной смерти, не заметить которых было просто невозможно.

– Может, мы все-таки вызовем экспертов? – нерешительно спросил лейтенант Касымов, тоже понявший, что произошло.

Одно дело – протокол, что найден труп неизвестного бомжа, умершего от болезней или голода своей смертью. Совсем другое – насильственное убийство. Оно будет потом висеть на райотделе, и, если они не вызовут экспертов, все неудачи по расследованию этого убийства припишут им. Шаболдаев сознавал, что лейтенант прав.

– Позвони в райотдел, – негромко разрешил он, – пусть пришлют всю группу целиком. Как полагается. Экспертов, фотографа... И сообщи прокурору. Тут наверняка убийство. Следователи прокуратуры им и займутся.

«А подполковник оторвет мне голову», – грустно добавил он про себя, снова склоняясь над трупом...

Глава 3

Ингу привезли в лепрозорий три месяца назад. О своей болезни она знала уже два года. Два года бесплодных поисков чуда, хождений по знахаркам и ворожеям, мучительные уколы, поездки в Москву и в Киев, различные процедуры, иногда довольно болезненные, посещение всех возможных святых мест, и как итог – направление в лепрозорий. Болезнь начала прогрессировать, и стало ясно, что с этим уже ничего нельзя сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.